

Мальчишка в нагрузку

Елена Нестерина

Только для девчонок

Елена Нестерина

Мальчишка в нагрузку

«Елена Нестерина»

2005

Нестерина Е. В.

Мальчишка в нагрузку / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
2005 — (Только для девочек)

ISBN 978-5-699-20324-6

Они дружили с детства – смешная девчонка по имени Жужа и красавец Степка, снявшийся уже в нескольких фильмах. Но одно дело дружить. И совсем другое – быть влюбленными! Ведь Жужа точно влюблена в Степу – так она для себя решила! Однако он нравится не одной ей. У «звезды экрана» множество поклонниц, каждая из которых готова бороться за личное счастье. Как оказаться рядом со своим кумиром? Одна из девочек, одноклассница Жужи Наташка, придумала, что нужно сделать. Но без посторонней помощи ей не справиться. И именно Жуже пришлось стать ее помощницей!.. Книга также выходила под названием «Поцелуй принца».

ISBN 978-5-699-20324-6

© Нестерина Е. В., 2005
© Елена Нестерина, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Нестерина

Мальчишка в нагрузку

Глава 1

Пушистая плесень

Ну вот. Родители уехали, девочка Жужа дома одна, как вольная птица, – а еда кончается... Нет, конечно, мама наворотила ей для пропитания кастрюлю голубцов. Ведь удобная вещь: подогрел один голубчик в микроволновой печке – и съел! Голубцов должно было хватить почти на неделю. Но Жужа забыла кастрюлю с ними на столе (дня через два про неё только вспомнила) – и на голубцах выросла белая пушистая плесень. Вскоре на ней появились всходы – плесень заколосилась нежными шариками на тонких ножках-волосинках. Если на эту поросль подуть – как будто волнуется желтеющая нива. Красота!

«Ну, пусть растёт. – подумала Жужа, любуясь живописной плесенью. – Только есть-то всё равно очень хочется... Что же делать?»

Есть, конечно, всегда сильно хотелось, когда девочка вспоминала об этом. А вспоминала редко – потому что, придя из школы, тут же бросалась к компьютеру. Жужа принималась рисовать всё то, что приходило ей в голову за то время, которое она просиживала на уроках и когда мчалась домой.

Весь сухой паёк, оставленный для неё родителями, Жужа смолотила в первые дни своей самостоятельной жизни: хватать печенье, хватать сухарик – и к экрану! Точно так же влёт ушла и длинная копчёная колбаса, которую можно прямо так откусывать, не отвлекаясь на то, чтобы резать её аккуратными колечками, и помидоры, и банка маслин. Жужа даже лук (в количестве четырёх штук) съела – с остатками вкусного черного хлеба. Она вообще любила такую простую еду: кусай да жуй. Это не суп и не голубцы, которые подогреть надо, мучиться...

А сегодня кончилось всё. Можно, конечно, в магазин сбегать – но это сколько времени займёт! Ценного, важного, которого так всегда не хватает... Да и дождь на улице, как из брандспойта.

Жужа была художницей. Нет, даже, наверное, больше дизайнером – по крайней мере, ей самой приятно было так о себе думать. Рисовала она не только на компьютере, но и на всём, что попадалось. И не только рисовала, но и лепила, вырезала, клеила.

А вот сейчас она искала еду. Но кончилась же вся провизия, кончилась! Только в дальнем углу одного из кухонных шкафов девочке удалось отыскать полбанки гороха.

«Ага! – обрадовалась Жужа. – Горох – это хорошо! Будет у меня гороховый суп! Он совсем не трудоёмкий.»

Очень тщательно вымытый горох бодро ссыпался в кастрюлю. Поставив будущий суп на небольшой огонь, художественная девочка отправилась творить...

И как же люди только помнят, что у них на плите что-то варится? Скоро (или не скоро – Жужа вряд ли вразумительно ответила бы на этот вопрос) по квартире пошёл горелый смрад. Теряя тапки, с криком «Супчик мой дорогой!» девочка бросилась на кухню.

Вот она, кастрюлька, бывшая голубенькая. На её дымящемся дне лежат чёрные угольные шарики. Чёрное на чёрном. Горох. И тоже бывший...

Плохо. Голод... Но какие шарики, как красиво!

Жужа разложила эти шарики небольшими кучками под двери и на лестницах по всему подъезду. «Пусть, – решила она, – люди ходят и думают: чей же это котик гадит, как зайчик?»

Никто не заметил затейницу-Жужу за этим занятием. Завершив своё чёрное гороховое дело, она тихонько вернулась в квартиру. Но тут же споткнулась о наваленные кучей в прихожей ботинки. Стараясь не упасть, шлёпнулась перемазанными углем ладошками о белую пластиковую дверь ванной, уронила кастрюлю, которая жизнерадостно покатилась, рассыпая по полу горелые хлопья...

Теперь уж точно красота. Полный разгром...

Жужа села на пол, вздохнула.

И в это время зазвонил телефон!

Чёрные пальцы потянулись к трубке...

Стёпка!

Друг – это тот, кто появляется, когда надо.

Так поступил и он – и уже через двадцать минут был у Жужи дома.

Появился Степан не просто так, а с сумкой продуктов. Скоро на сковородке бодро жарилась картошка, инсталляция с пушистой плесенью перекочевала в мусорное ведро, а её место в чисто отмытой кастрюле заняли пузатые сардельки. Жизнь налаживалась.

...Стёпка бродил по квартире, заканчивая наводить порядок. Да, именно он готовил еду, мыл посуду и пылесосил полы в чужом, то есть Жужином жилище.

Это был их секрет. Когда математика разделилась на невообразимые по своей запредельной непонятности алгебру и геометрию, да к ним прибавилась такая жуть, как физика, Стёпка понял, что это – конец... Его голова вместить ТАКОЕ была неспособна. Родители Стёпки, тоже люди насквозь гуманитарные, помочь ему ничем не могли. Примеры, уравнения и задачи решать они не умели, хотя очень поначалу старались, пыхтели на Стёпкиными тетрадями, вспоминая школьные годы.

Родители Жужи, их давние друзья, тоже в точных науках особенно не разбирались, но похвастались, что дочке – ровеснице Стёпки, всё это не составляет труда. Та, наоборот, пишет с ошибками и не может пересказать содержание самой завалящей книжки. И тогда Стёпка, который учился в другой школе и, несмотря на то, что считался «другом детства», до этого бывал в гостях у Жужи не так уж часто, а, прямо скажем, редко – да и то по родительскому принуждению, примчался к ней с тетрадями. Жужа, не пытаясь ничего объяснять, быстро дала переписать Степану все задания, даже по доброте душевной напряглась и самостоятельно решила примеры и задачи по новым, ещё не пройденным ею темам. Так что у Стёпки появились готовые выполненные уроки на будущее. Это было спасение!

Когда в этом опять появилась необходимость – готовые домашние задания и решённые примеры с задачами кончились, Стёпка снова пришёл к Жуже. А у неё дома дым стоял коромыслом – посреди комнаты возвышался бумажный макет стадиона (Жужа, решив заняться архитектурой, придумывала проект стадиона к будущим Олимпийским играм и рассчитывала на то, что обязательно предложит его Олимпийскому комитету). Всё остальное место занимали отходы от строительства этого макета: бумажные обрезки, картонные огрызки, комки того же самого, перемешанного с клеем, тонким пластиком и нитками, очистки от семечек аккуратными кучками и скорлупки от орехов кучками неаккуратными (будем говорить прямо – рассыпанные по всему полу), обёртки от конфет и шоколадок. И даже прокисший солёный огурец с воткнутой в него вилкой – на блюде посреди маминой тумбочки с косметикой... Да, хозяйство приходило в запустение, а бедная девочка с перемазанным белой краской носом голодала – это тоже было видно невооружённым глазом.

Это произошло как раз тогда, когда Жужины родители в первый раз оставили её одну и уехали на фестиваль в другой город. Оставляли на свой страх и риск – ведь до этого они никогда не бросали своего ребёнка одного, и всегда по очереди ездили в командировки (а у

кинокритиков, кем и были Жужины мама с папой, командировки часты – фестивалей кино становилось всё больше). И не уехать не могли – поездка была очень важной для каждого из них... Да и так хотелось отправиться вместе – как в юности!

Ну и отправились.

...И вот тогда-то Стёпка, преисполненный благодарности к Жуже, которая охотно уселась решать для него примеры и задачи, вызвался привести её жилище в порядок.

Так что, вернувшись, довольные и помолодевшие Жужины родители обнаружили в доме, как неожиданную добавку к своему лучезарному счастью, чистоту, порядок и кастрюлю супа в холодильнике. Убрался, как и сварил суп из пакетика, конечно, Стёпка. Но Жужины родители так обрадовались и поверили в свою дочь, что с этого момента стали частенько оставлять её одну.

И обычно, ближе ко дню приезда Жужиных родителей, Стёпка всегда являлся, как добрый фей, и быстро приводил запущенное хозяйство художницы в нормальный вид. Происходило это нечасто – к тому же Жужа теперь сканировала и пересылала Стёпке выполненные домашние задания по электронной почте. И всегда сообщала, когда ждала приезда своих родителей.

Они знали друг друга с малолетства, и в первый день своего знакомства насмерть бились пластмассовыми лопатками в песочнице. Их мамы – неспешные дачницы, усадили тогда малышей в песок, обложили ведёрками и формочками, а сами устроились в тенёчке. И за разговорами забыли обо всём.

И Жужа, и Стёпа хотели рыть песок в одиночестве. Поэтому кто-то один должен был уйти. Уступать не хотел никто – ни Жужа, ни Степан. Они бились молча, без визга и плача. Да так и пришибли бы друг друга, если бы не сплотились перед лицом общей опасности: в песочницу шагнул некто Борька, ему было столько же лет, сколько Жуже и Стёпке вместе. Неподалеку другие, более взрослые дети дачников играли в магазин. А прекрасное Жужино ведёрко и блестящие формочки Стёпки были для этого очень нужны. За ними и явился Борька. Без всяких церемоний пацан, который привык ни в чём себе не отказывать, сгреб имущество трёхлетних карапузов.

– Как?! Это наше! – в один голос возмутились оба.

И бросились в атаку.

Победа любит смелых и решительных. А ещё больше тех, кто объединяется и держится вместе. Поэтому очень быстро и с громким ревом Борька убежал, пообещав пожаловаться бабушке, дедушке, маме, собаке и дяде. Но ни он, ни кто-либо из этого списка не появился и не стал мстить Борькиным маленьким обидчикам.

А Жужа и Стёпка заключили мир между собой. И почти никогда не ссорились, когда оказывались друг у друга в гостях.

Родители их дружили – это да. А они – вряд ли. Этот вопрос и Жужу, и Степана занимал мало. У них были разные интересы. Но помощь – уроки в обмен на уборку, так это же совсем не трудно тому, кому не трудно!

– Ну-ка, Жужа, давай-ка ты на улицу-то всё-таки выберись. – после вкусного ужина собираясь уходить, заявил Стёпка. – От постоянного сидения дома портится цвет лица. Думаю, тебе этого не надо.

Жужа усмехнулась про цвет лица, но на улицу всё-таки выйти собралась. Тем более что дождь перешел в шдающий режим.

Она проводила Стёпку до остановки – а затем он её обратно до подъезда. Так Жужа и прогулялась по свежему воздуху. Они постояли минутку, затем Стёпка махнул на прощанье свёрнутой в трубочку тетрадкой, в которой были решения всех задач по геометрии, алгебре и

физике на несколько уроков вперёд (пока шла уборка, Жужа, которой это было раз плюнуть, быстренько всё решила), и бодрым шагом направился к остановке.

– Шарик от котика – это приколы! – обернувшись, добавил он. – Смешно и стильно. Ты настоящий дизайнер, Жужа!

Жужа помахала Стёпке зонтиком – и весело вбежала в подъезд.

Но не успела пройти и двух лестничных пролётов, как перед ней оказалась Наташка Кривцова – её одноклассница и соседка по подъезду.

– Класс! Супер! – на весь подъезд заахала она.

Жужа замерла. Её прекрасная инсталляция с черными шариками! Значит, она Наташке тоже понравилась! Но как же Кривцова догадалась, что это сделала она, а не котик?..

– А как ты догадалась? – пробормотала Жужа.

– Да я видела! – воскликнула Наташка.

– Никому не говори, что это я! – попросила Жужа. – Пусть это будет тайной, как будто на самом деле...

– Ха! Да какой тайной? – гаркнула Наташка. Она вообще любила гаркать, как золотозубая торговка на рынке. – Тебя с ним не только я видела! Но и Светка, и Марго... И давно это у вас?

Жужа запуталась. И Кривцова начала сначала.

– Давно вы гуляете со Стивом? – как строгая учительница у злого прогульщика спросила она.

– С каким Стивом? – удивилась Жужа. – Стивом с пивом?

– Не тупи! – обиделась Наташка. – Со Стивом, который только что тебя до подъезда проводил.

– Со Стёпкой! – улыбнулась Жужа. – С детства.

– «Стёпка»! – скривилась Наташка. – Его все зовут Стив! Он самый красивый парень в двадцать восьмой школе.

– Да уж знаю. – согласилась Жужа. – Звезда экрана.

Двадцать восьмая школа была неподалёку. Там действительно учился Стёпка. А звездой экрана был тоже он – потому что уже успел сняться в двух сериалах и одном фильме. И не просто так «на заднем плане у фонтана», а играл настоящие большие роли.

Это всё Жужа знала. А вот про то, что Стёпка, оказывается, Стив, – даже не догадывалась...

А тем временем Наташа Кривцова активизировалась. Она не сразу уловила информацию, которую несла в себе Жужина фраза «С детства». А теперь уловила и всё поняла – и потому крепко вцепилась Жуже в руку, просто повиснув на ней, как большая гиря.

– Познакомь меня с ним! Познакомь! Вы же часто видите, получается, да?

– Ну... – опешила Жужа.

– Понимаю. – закивала Наташа, но руку Жужину не отпускала, и даже потряхивала её весьма так ощутимо. – Я, правда, всё понимаю. Ты мне скажи: у тебя с ним серьёзно? У вас любовь?

Жужа подумала, что если бы она спросила это у своего умнейшего компьютера, он наверняка бы «завис». Примерно то же самое сделала сейчас и она – после Кривцовского вопроса...

– Дружба! – шарахнувшись в сторону и увлекая за собой Наташку, поспешно крикнула Жужа.

Кривцова тут же развела руками, отпустив, таким образом, Жужу.

– Просто дружба? Вот и отлично! Тогда никаких проблем. Мне же, ты понимаешь, чужие парни не нужны. Знакомь!!! Когда он придёт?

– Не знаю... – Жужа почти виновато пожала плечами.

И говорила при этом чистую правду. Во-первых, она не знала, когда в следующий раз отправятся куда-нибудь её тусовщики-родители, а потому она останется одна, и ей понадобится хозяйственная рука Стёпки. А, во-вторых, у Стёпки было всегда множество важных дел после школы: конный спорт, занятия актёрским мастерством, танцы. А ещё и кастинги – от которых недалеко и до следующих съёмок! Поэтому она Стёпку никогда старалась не дёргать и обращалась к нему в случаях крайней нужды. Или же он сам, как сегодня – в виде «доброго фея», являлся...

Об этом и хотела рассказать Жужа Кривцовой, но та слушать ничего не собиралась. Она принялась так трясти её и тормозить приговаривая: «Познакомишь? Ведь познакомишь, да? Ну, так – когда познакомишь?», что не успокоилась до тех пор, пока замученная Жужа не провыла:

– Да-а-а-а-а....

Счастливая Кривцова тут же ссыпалась со ступенек и умчалась куда-то в дождь. А Жужа стала подниматься по лестнице. Представляя, как жильцы подъезда будут с удивлением искать владельца невоспитанного зайчика, она тихо посмеивалась. Попытки упорной Кривцовой, которая желала познакомиться, быстро забылись.

Дома бесхозяйственной Жуже было очень приятно. С чувством благодарности Стёпке она уселась перед компьютером, предварительно обставившись чашками и тарелками с разными видами еды – и рисовала до глубокой-глубокой ночи. По экрану мотались туда-сюда какие-то странные круги, ядрено-фиолетовые капли, Жужа пыталась загнать их в рамки. Сами рамки то и дело меняли свои формы и очертания. Девочка творила...

И на следующий день изрядно проспала, но всё-таки появилась на уроках в своём восьмом «А» классе.

Глава 2

Дискриминация по половому признаку

Но прошла неделя, началась другая, а ничего не менялось в жизни Наташи Кривцовой. Казалось, совершенно напрасно с многозначительно-загадочным видом ходила она вокруг Жужи – та упорно этого не замечала и не сообщала, когда же состоится Наташино знакомство с её другом детства. Вид у Жужицы был какой-то отсутствующий – как, впрочем, и всегда, когда она что-нибудь придумывала. Это Наташа Кривцова хорошо знала. Поэтому не торопила её и не спрашивала: «Так когда же ты меня познакомишь со Стивом, Жужа?!» Хотя ей просто не терпелось это сделать! Раз вид задумчивый, успокаивала себя Наталья, значит, наверняка Жужа разрабатывает план, как лучше обставить их со Стивом встречу.

Так две недели и пролетели. Наташа устала ждать, переживать и надеяться.

Поэтому в понедельник перед началом занятий она, взволнованно дыша, подлетела к Жуже и спросила:

– Ну, как?!

– Нормально. – улыбнулась Жужа.

– Ну? Где? Когда? – лицо Наташки пылало, можно было сказать, что она в буквальном смысле сгорает от нетерпения.

– Там же. – ответила Жужа. – В пятнадцатом кабинете. Сейчас.

– Да-а-а? – удивилась Наташа, тут же начиная размышлять, почему именно в кабинете русского языка и литературы Жужа решила устроить её свидание со Стивом. Ей казалось, что место выбрано по меньшей мере не самое удачное, а по большому счёту вообще не в кассу. Сейчас же урок начнется, все одноклассники в кабинет влетят, а Наталья будет, как дура, со Стивом знакомиться...

– Конечно. – снова улыбнулась Жужа. – Как обычно. Ну, пойдём скорее!

И она потянула Наташу за руку.

– погоди. – остановилась Наталья.

Что-то тут было не так.

– Что? – остановилась и Жужа.

– Что будет-то сейчас? – осторожно спросила Наташа.

– Как обычно, Кривцова, – русский... – ответила Жужа и с наигранной укоризной покачала головой. – Забыла, что ли? А ещё говорят, что я рассеянная!

С этими словами Жужа широко улыбнулась, подхватила Наташу под руку и потянула за собой – потому что в раздевалку, где они разговаривали, прибывал народ, так что лучше было там не толкаться и не мешать снимать плащи и куртки.

Всё – стало ясно Наташе Кривцовой. Жужа и не собирается никого с ней знакомить. С человеком, который периодически пребывает в такой прострации и ничего не помнит, каши не сваришь. А рассеянность Жуки была всем хорошо известна.

«Забыла Жужка – это точно. – поняла тогда Наташа. – Надо самой ковать удачу! Действовать. А Жуже нужно как-нибудь по-хитрому напомнить про её обещание».

Как-то на большой перемене Жужа стояла перед окном в почти опустевшем классе и смотрела на улицу. Ветер упрямо драл с дерева последние листки – а они цеплялись за ветки, отбивались от него. «Нет, нет, нет! – казалось Жуже, кричали они. – Мы ещё тут повисим! Мы – это лето!»

Жужа тоже только хотела расстроиться, что лето кончилось и ждать нового лета теперь о-го-го сколько. Но услышала за спиной всхлип. Это хлюпали, конечно, не бедняжки-листья с дерева за стеклом...

Девочка обернулась – и увидела, что Кривцова прилегла на парту, накрылась своей сумкой и рыдает.

– Ты чего, Наташка? – бросилась к ней Жужа.

Наташа вынырнула из-под сумки, взором страдающей лани окинула Жужу, с бульканьем втянула носом воздух и снова хлопнула сумку себе на голову. Плач раздался ещё более громкий. Да, если уж Кривцова страдала, то на всю катушку.

– Ну что случилось-то, а? – Жужа плюхнулась на соседний стул и попыталась оторвать от Кривцовой сумку. – Ну скажи, ну чего ты, ну?...

Такого длительного нуканья никто бы не выдержал, а потому Наташка басовито протрубила, заглушая Жужины «ну-ну»:

– Всё плохо! Все пропало!

Воры и бандиты! – вот что тут же пришло в голову Жуже. Они орудуют в школе – и Кривцова уже стала их жертвой!

– Что у тебя пропало? Что украли? Где? У нас в школе? – фантазия уже рисовала Жуже жуткие картины преступлений.

Кривцова хмыкнула из-под сумки.

– Ничего не украли. Всё просто плохо.

Во-первых, плохо и неудобно ей было прятаться под сумкой. А потому Наташка отбросила её и трагическим голосом заявила:

– Меня, Жужа, в театральный кружок не взяли. Вот.

Да, это плохо, когда куда-то не взяли. Это Жужа по себе знала – ведь родители никогда не брали её с собой, разъезжая по стране и зарубежью. Разве что на моря – что тоже хорошо, но не считается. Это же не по делу...

Жужа совсем ушла в мысли о родителях и своих обидах на них, поэтому не услышала начала Наташкиного страстного монолога:

– ...Да, вот так вот и сказали, представляешь? А я так хочу записаться в артисты!

– А там было прослушивание? Кастинг? И ты его не прошла? – тут же включилась в разговор Жужа, которая от своего друга детства знала много из жизни артистов. К тому же, тем самым ей хотелось попытаться выяснить, что же Наташка говорила в самом начале...

Но та, смахнув на сумку последнюю слезу, недовольно фыркнула:

– Какой кастинг? Ты разве не слышишь, что я тебе говорю? Меня не взяли только потому, что я девчонка!!! Да! А не мальчишка!

– Ты уверена? – удивилась Жужа.

– Да!!! – от Кривцовских слёз не осталось и следа: все они или разлетелись в разные стороны, или испарились от горячего гнева хозяйки.

– Так и сказали?

– Да.

– Ну, ты это... Ну, не расстраивайся... – Жужа даже не знала, что и сказать.

– Сама не расстраивайся!

– Да я и не...

Наташья Кривцова покраснела и снова собралась рыдать.

Класс начал наполняться учениками – закончилась перемена. Жужа схватила за рукав Кривцову, подцепила за ремешок её многострадальную сумку и, пока учительница не пришла, выскочила с коридор. Наташка явно с удовольствием бежала за Жужей следом – до самого тупика в конце коридора. Там на переменах обычно всегда собирались те, кто хотел посекретничать.

– Всё, Кривцова. – перевела дух Жужа, удобно устраиваясь на полу. – А теперь давай по-нормальному рассказывай.

Недалеко от Жужиной школы стоял большой Дворец Детского Творчества. Кружков там было видимо-невидимо. И в том числе детский театр. Существовал он уже много лет. Спектакли там ставились очень интересные – такие, что даже на конкурсы и гастроли театр ездил их показывать. Именно туда и приспичило пойти записаться Наташе Кривцовой. Была она девушка симпатичная, бойкая, голосом обладала громким, стихи запоминала легко. Об этом она и заявила руководителю театра, когда пришла туда проситься. Для компании она взяла с собой подружку Гулю – во всех смыслах девчонку мало выдающуюся. Взяла для контраста: Гуля, решила Наташка, в театральном кружке не понравится, а она уж точно на этом контрасте произведёт впечатление. Гулю отбракуют, а её возьмут.

– Пойдем, Гулька, ты же талант! – уверяла Наташка Гулю, которая смертельно боялась с самого первого класса записаться в какой-либо кружок, даже в кройки и шиться или «Юный любитель кактусов». – Ты поёшь хорошо, и фигура у тебя балетная! Такие на сцене всегда востребованы!

Если похвала её хорошему пению не произвела на худосочную Гулю должного впечатления, то оценка фигуры как «балетной» попала в точку. Так что в один прекрасный день, специально намеченный для этого будущей артисткой, обе девочки заявили в театральный кружок.

Как там было замечательно! Настоящий бархатный занавес, скрывающий сцену, ряды кресел, полумрак... На стенах большие фотографии со сценами из разных спектаклей, осветительные приборы в дальних углах...

В большой комнате за сценой, куда привели Наташку и Гулю ребята, обнаружившие их бродящими по зрительному залу, было ещё интереснее. Из шкафов торчали настоящие театральные костюмы, тут и там стояли бутафорские клумбы с цветочками, симпатичные витые заборчики, на столах лежали мечи в ножнах и без, деревянные кинжалы, издавна очень похожие на настоящие, короны и скипетры, поддельные яблоки, веера, пластмассовые кости, маски и многое другое.

Наталя, стараясь не отвлекаться на всю эту прекрасную дребедень, с интересом рассматривала девчонок и пацанов, которые занимались кто чем: кто что-то мастерил, кто на пару или в одиночку разучивал какие-то движения, кто переписывал текст в тетрадку. Среди них были даже несколько знакомых – и из Наташкиной школы, и из соседней, двадцать восьмой. С кем-то из них она успела даже поздороваться.

А с руководителем кружка ей пришлось говорить одной. Трус-Гуля как уткнулась взглядом в лежащие на дальнем стуле полосатые брюки с пришитыми к ним лисьим хвостом, так и не смотрела больше ни на кого и ни на что. Впрочем, Наталя, приглашая Гулю в напарницы, на другое поведение с её стороны и не рассчитывала...

– К сожалению, девочек мы сейчас в наш театр не принимаем, – улыбнувшись, сказала режиссёр Виктория Кирилловна.

– Как? Почему? А мальчиков? Мальчиков берёте? Или никого не берёте? – Наташка сразу растерялась, а потому затараторила быстро-быстро.

С этой осени в театре начали репетировать новую пьесу. Её долго разыскивала Виктория Кирилловна. В ней действовала целая куча принцесс, королев, волшебниц, фей и русалок – и всё это специально для того, чтобы занять в спектакле всех девочек, которые были в составе детского театра. И было этих девочек раза в четыре, если не в пять, больше, чем мальчиков. На каждую роль было по две, а то и по три исполнительницы. И всё равно, даже в этой многолюдной и перенаселённой пьесе роли, пусть самой маленькой, всем девочкам не хватало. Ну не выгонять же их? Виктория Кирилловна даже на роль стражников утвердила девчонок: она приклеивала им пышные усы и заставляла говорить грубыми голосами.

Так что уж какие там новенькие?

И, тем не менее, девочкам талантливым были бы рады всегда. Ведь хороших артисток на главные роли всё равно не хватало. Хотя в принцессы рвались все, Виктория Кирилловна проводила жёсткий отбор. Так что на некоторые роли исполнительниц всё равно пока не было. И потому репетировали пока другие сцены – те, в которых эти персонажи не были задействованы.

Об этом и рассказала Виктория Кирилловна скисшей претендентке Кривцовой и безмолвной Гуле, которая все ещё продолжала прикидываться ветошью...

Это же самое поведала Наташка Жужа.

– ...На некоторые роли никого нет, понимаешь?

– Ага. – кивнула Жужа. – Понимаю. Есть шанс.

– Шанс-то есть. И есть способ попасть к ним в театр. – вздохнула Наташка. – Это Кирилловна сама сказала. Способ простой. Но трудноосуществимый.

Выдав такое труднопроизносимое слово, она многозначительно посмотрела на Жужу.

– Ну?

– Чего – «ну»? Если девочка хочет записаться в театральный кружок, она должна привести с собой мальчика, который тоже в этот кружок ходить собирается! – подняв палец вверх, точно колдунья заклинание произнесла Наташка. – Это так мне на прощанье руководительница сказала.

А она, в смысле Виктория Кирилловна, действительно придумала такую меру регулирования наплыва девочек в театр и в то же время привлечения в него мальчиков.

– Дискриминация! – услышав об этом, воскликнула Жужа. Она была активной противницей всякой несправедливости, поэтому история с Наташкой-артисткой и тем, что её в театр не взяли по половому признаку, очень и очень Жужу заинтересовала и взволновала.

– Вот и я говорю! – охотно подтвердила Наташка.

– Ты хоть там возмутилась? – с жаром воскликнула Жужа. Уж она бы обязательно возмутилась.

– А толку-то? – хмыкнула Наташка. – У них там свои порядки. И ничего не попишешь... Слышишь, я что придумала, Жужка... Ты ведь можешь подговорить кого-нибудь из наших пацанов, а? Чтобы они со мной... Ну, в общем... Записались в кружок, а?

– Я – подговорить? – опешила Жужа.

– Ты... Ты же с ними нормально. – подхалимски улыбнулась Наташка. – Они ж у нас дикие. Ну и ты тоже... Я хотела сказать, ты, вроде, с некоторыми более-менее общаешься...

– Я?

– Ты. – без тени сомнения на лице кивнула Наташка. – Да. Поговори, а? С Репниковым, с Бушуевым, ну, или с Костиком Поплаковым? О, точно! Поплаков забитый, давай его заставим, а, Жужа? К стенке припрём, очки отнимем, скажем: пока ты не сходишь с нами в кружок...

– Это шантаж!

– Но так ради искусства! Ты же любишь искусство, а? – Наташка умела давить на нужные педали в душах людей.

– Чего – «ради искусства»? – буркнула авантюристка Жужа, уже практически сдаваясь. – Ради искусства давай их как-нибудь по-другому попросим.

– Так давай, Жуженька, проси! – обрадовалась Наташка, подскочила, заставила встать с пола и Жужу, обняла её и даже бросилась целовать от избытка эмоций.

Жужа увернулась, метнув в Кривцову её сумку.

– Пошли на урок. – скомандовала она. – А на перемене я к кому-нибудь из ребят подъеду.

И всю литературу напролет придумывала, что бы такое мальчишкам сказать, чтобы они захотели вдруг в театр записаться...

Но все усилия Жужи оказались напрасны. Ни один одноклассник, даже тщедушный недоросток Поплаков (под угрозой быть избитым двумя мощными девчонками и остаться без очков-окуляров), не захотел идти с Наташкой записываться в театральный кружок. Димке Репникову Жужа вообще денег пообещала (Наташка жертвовала на это все свои сбережения и обещала ещё домой за деньгами сбегать).

– Да чё я – больной, что ли? – отмахиваясь от Жужи, произнес Димка. – Я артистом быть не хочу. Позориться только.

Остальные говорили примерно то же самое – или ссылались на занятость в спортивных секциях, особую стеснительность или на свои непрезентабельные внешние данные (тут уж все явно прибеднялись – но чего не сделаешь ради свободы?). И ни один обормот не хотел проявить себя рыцарем, чтобы спасти гибнущий во цвете пышный талант артистки Натальи Кривцовой и дать ему возможность проявить себя на театральных подмостках...

Жужа и Наташа даже до ребят из других классов добрались, даже младшеклассников за воротники прямо в коридоре хватали – но всё без толку.

– Неужели в нашей школе ни одного артиста нет? – недоумевала Кривцова, готовая заплакать.

– Те ребята, которые хотели на сцене позориться, давно уже в этом театре. – резонно заметила Жужа.

Ей было жалко Кривцову – уж что-что, а расстраивалась она по-настоящему. Видно, очень хотела в артистки.

А мечты у людей должны исполняться – считала Жужа...

Что ж это за пацаны-то такие? И правда, Наташка говорит, дикие. Стёпку бы попросить – он-то сам артист, он не дикий. Стёпка бы помог обязательно. Но он в кружок записаться не сможет – потому что уже и так занят по самую маковку.

Жуже, когда она об этом вспомнила, даже стыдно стало: за все это время она ни разу даже не удосужилась прийти посмотреть, как Степан играет. Он ведь приглашал, а Жужа как-то игнорировала этот вид искусства, её больше изобразительные формы интересовали. В кино да, в кино и в сериалах она Стёпку с удовольствием посмотрела – не отходя далеко от компьютера... К тому же сейчас Стёпка уехал куда-то, кажется, опять сниматься.

Всё это она вспомнила, размышляя над Наташкиной проблемой.

А азарт уже захватывал Жужу: загоревшись какой-то идеей, она не могла остановиться, пока не воплощала её в жизнь. И чем больше трудностей и препятствий возникало – тем интереснее Жуже было!

Кривцову обязательно возьмут в театральный кружок! Да! Потому что...

– Все, Наташка. Я придумала, что надо будет сделать. – уверенно заявила она. – Кружок твой каждый день работает?

– Да. Кроме понедельника и среды. – голосом умирающего лебедя прошелестела Наташка. Она тоже поняла, что Жуже пришла в голову какая-то особенная идея.

Жужа тоже понимала, кем именно сейчас пытается прикинуться Наташка и тем самым вызвать жалость и ещё сильнее закрепить результат (как-никак, всю жизнь в одном подъезде прожили и в одном классе проучились).

– Так. А завтра четверг. – не реагируя на умирание Кривцовой, деловито сказала она. – Ну, вот завтра ты и пойдешь записываться в свой кружок с одним приятным молодым человеком.

– Ой!

– Да. Заходи ко мне завтра после уроков. Я всё устрою. А до этого – не трогай меня. Поняла, Наташка?

Придя в этот день после школы домой, Наталья Кривцова – будущая прима Больших и Малых императорских театров, увидела в окно, как Жужа вышла из подъезда и деловитой походкой куда-то направилась. Надежда шустрым попугайчиком запрыгала у Натальи в сердце: получится, обязательно получится, Жужа всё придумает наилучшим образом! У неё ведь такая фантазия. Так что ей, Наташеньке, обязательно повезёт!

Когда Жужа вернулась, Наташенька уже не видела. Но на следующий день, которого она ждала с таким нетерпением, Жужа как ни в чём не бывало пришла в школу. Наташка её, как та и просила, не трогала – и вопросами не донимала, и отгоняла всех, кто пытался с Жужей пообщаться. Она бы и учителей от подруги отогнала, если бы это было в её силах. Но вот этого как раз не удалось: на русском языке Жужицу всё-таки спросили, поставили двойку. Чего та, кажется, почти даже не заметила.

Хотя после урока русского языка взяла и ушла из школы.

– Обиделась на двойку. – прокомментировал Жужин внезапный отлет Бушуев – её сосед по парте. За время принудительного сидения вместе он неплохо, как ему казалось, изучил поведение своей странной соседки.

Наталья, услышав это, согласилась с ним.

Да, вот такие они, художники, внезапные...

Глава 3

Новенькая и новенький

И вот перед Викторией Кирилловной предстали одетая ещё красивее и наряднее, чем накануне, Наталья. И её спутник Евгений – парнишка лет двенадцати с короткой гопниковской стрижкой и ненавязчивым синячком под глазом, который, однако, придавал ему застенчивой мужественности.

Одет Наташкин сопровождающий был в безумный балахон с нарисованной по центру разъярённой зубастой черепушкой, драную жилетку со множеством железяк и булавок; в его широченные штаны-гармонь можно было запросто засунуть ещё парочку таких же, как он, – причем в каждую штанину. Задорных носов его тяжёлых ботинок «Камелот» из-под этих широких штанин было почти не видно, потому что в свободном полёте они падали на землю и мели её при каждом шаге Евгения.

Вел себя Евгений спокойно, говорил мало, сообщил только, что просто мечтает быть артистом – и в доказательство этого рассказал стих из программы младшей школы.

– Вот, главное, Наталью возьмите. – первым делом предложил он. – Она очень способная.

Некоторые девочки с завистью посмотрели на Наташку: надо же, какой с ней мальчик хороший, о ней в первую очередь заботится...

– Возьмём-возьмём, не волнуйся, Женя. – улыбнулась Виктория Кирилловна, раскрывая свой журнал – совершенно такой же, как в школе, и явно собираясь туда записывать фамилии новеньких. – А ты сам-то кого бы у нас хотел играть?

Женя так удивился, что даже сказать ничего не смог. Но быстро справился с собой и протянул:

– Ну... Маркиза какого-нибудь... Ну, или волка. Деда Мороза там можно, ну...

Все почему-то засмеялись. Виктория Кирилловна, как и собиралась, записала новеньких в журнал, объяснила, какое в театре (а не в кружке, как с пафосом объяснили Наташке актёры и актрисы этого театра) расписание.

После этого были занятия – сначала разминка, где ребята выли, гудели, строили рожи, соревновались в скороговорках: говорили их друг за другом по кругу на вылет, кто ни разу не ошибется, тот и выиграл. А затем пластика – и плохо пришлось наряднице Наташке, девочка пожалела, что вырядилась в свою парадно-выходную узкую юбку и сапоги на высоких каблуках.

– Ничего, в следующий раз ты всё учтешь. – успокоила её Виктория Кирилловна. – Так что приходите, ребята, и приносите с собой форму и сменную обувь.

Попрощавшись, Кривцова Наталья и её молчаливый спутник, удалились со своего первого занятия в театре.

Родители не узнали Жужу, когда она пришла вечером домой.

– Что с тобой, Жуженька? – дрогнувшим голосом сказала мама и осела на журнальный столик – прямо в сахарницу, бутерброды с паштетом и кофейные чашки, что стояли на этом столике.

Папа так просто замер и завис.

– Ну чего, мам? Мода это такая. Свобода личности в условиях ожидания прихода зимы. – заявила Жужа, расшнуровывая ботинки. – Это же для пользы дела. Для здоровья, вот! Под эти штаны можно очень теплые колготки и даже панталоны поддевать. И я никогда не простужусь. Вы же рады?

Добрые Жужины родители, сами настроенные весьма радикально и свободолюбиво, были вынуждены согласиться с ней – да, конечно рады. Особенно, если панталоны для тепла поддевать...

– А кто же тебя постриг? – только и поинтересовалась мама. Ей, знала Жужа, очень хотелось видеть чахленькие волосёнки своей доченьки длинными и густыми, а потому много лет Жужа для маминого удовольствия их отращивала. И вдруг – на тебе!.. Мама в свою очередь знала, что дочка отстригла свои локоны не назло ей – ведь для Жужи было трудно сделать нарочно кому-то больно. Значит, причина, по которой она решилась на этот поступок, весьма уважительная.

– В парикмахерской. – ответила Жужа и расхлябанной походкой «Моряк вразвалочку спустился с трапа» вышла на середину комнаты. Попутно ей приходилось держать руки в карманах и таким образом держать штаны, чтобы они не слишком спадали.

– А... – мама продолжала сидеть в бутербродах. – А одежда эта – чья?

– Теперь моя.

– Ох, ну ладно... А глаз. Что с глазом?

Жужа молча потерла глаз послунявлянным пальцем. Синяк растёкся на щёку. И родители поняли, что это тоже часть маскарада – грим...

Папа заботливо поднял маму со столика, отклеил от неё бутерброды, и, подстелив салфетку, усадил на диван, помахивая перед маминым лицом газетой.

Всё это – и обтрёпанные штаны-трубы, и чёрный балахон со знаменитым рисунком талантливого пациента психиатрической клиники: оскаленный череп в профиль с костяным «ирокезом», и старая жилетка, истыканная булавками, принадлежали Жеке – младшему брату Жужино папы. Сам Жека уже вроде вырос и полгода как работал менеджером в офисе, а потому ходил весь в костюме. Так что свою одежду, в которой он с удовольствием гулял во дворе, Жека вчера подарил племяннице. Молодому менеджеру больше не до тусовок по дворам!

Да, другого мальчика Жужа предложить Наташке не смогла. Сам дядя Жека, которому было уже девятнадцать лет, для детского театра малость не подходил. Старый уже. Вместо него в театр отправилась его одежда. Только... на Жуже!

И что – очень даже хороший мальчик из Жужки получился. Синяк под глазом она нарисовала специально – для того, чтобы отвлечь внимание. Взяла даже по-тихому у папы сигарету и засунула её себе за ухо – это для усиления понтовости. Но потом решила, что таких безобразников в театр могут не принимать, а рисковать в их с Наташкой случае было нельзя. И сигарету выбросила.

В парикмахерской, куда Жужа убежала с последних уроков, мастер долго упиралась, не желая состригать машинкой Жужины жиденькие, но всё-таки длинные волосы. Попыталась даже начать Жужу ругать и интересоваться, куда именно её родители смотрят. Но когда она на секунду отвернулась, Жужа схватила ножницы и отхряпала под самый корень толстую прядь у себя на темечке. Так что пришлось парикмахеру всё же взяться за дело и сделать Жужины волосы одной с этим огрызком длины. Остался на лбу только жидкий чубчик – такую причёску тётенька делала не в первый раз. Куча мальчишек так стриглась.

Тут же обнаружилось, что уши у Жужи торчат красными лопушками почти перпендикулярно голове.

... – А я и не знала, что ты такая лопухая. – сказала пришедшая в себя Наташка – после того, как улеглись все страсти, связанные с тем, что дверь в Жужину квартиру ей открыло это бритое создание в балахоне.

Жужа пропустила её нелестное высказывание мимо своих обнажённых ушей.

– Ну, а в общем-то как? – художник в Жужинем лице ждал одобрения от лица Кривцовой.

– Очень, очень похоже! – спохватилась Наташка, испугавшись, что Жужа сейчас обидится про уши и никуда с ней не пойдёт. – Пацан натуральный.

– Тогда не забудь: зови меня Женей! – предупредила Жужа. – Я теперь не Жужа, а Женя Коломийцев.

Но вообще-то она и была Женей. Вернее, могла бы ей быть, потому что в свидетельстве о рождении значилась как Евгения. Но как с младенчества её начали звать Жужей, так уже не могли остановиться до сих пор. Жужа и Жужа. Некоторые даже думали, что это так и есть – и когда она вырастет, её будут так и звать: Жужа Александровна. Фамилия у неё тоже была ещё та – Коломыя. Но ведь художник всегда меняет действительность, если она вдруг попадает в котёл его творчества – так и Жужа, решив выпустить на сцену театра Дворца Детского Творчества новенького мальчика (в виде себя), назвала его Женей Коломийцевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.